

Мызникова Янина Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
<https://orcid.org/0000-0003-1092-8219>
y.myznikova@spbu.ru

Особенности лексики тематической группы «вечерние молодежные собрания» в русских говорах Симбирского Поволжья

Для цитирования: Мызникова Я.В. Особенности лексики тематической группы «вечерние молодежные собрания» в русских говорах Симбирского Поволжья. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2026, 23 (2): 400–418.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2026.210> EDN UFWDVD

Целью данного исследования является описание и анализ лексики тематической группы «вечерние молодежные собрания» в русских говорах Симбирского Поволжья. Материалом для данной работы послужили записи рассказов информантов из сел Ульяновской области, собранные автором и опубликованные исследователями-фольклористами. В рассказах о вечерних молодежных собраниях были выявлены лексические элементы, описывающие ключевые аспекты значимой части жизни сельской молодежи. Отобранные лексемы были разделены на следующие тематические группы: наименования локаций (помещений) для собраний молодежи; наименования вечерних собраний молодежи; наименования занятий и развлечений на посиделках; оценочная лексика, характеризующая качества девушки, парня; лексика любовных отношений. При анализе лексики в составе каждой из групп применяется этнолингвистический подход, исследуются функциональный, ареальный и этимологический аспекты. Наиболее объемные группы — наименований занятий и развлечений на посиделках и оценочной лексики — отражают специфику говоров позднего формирования — влияние южно-русской и севернорусской стихий, а также взаимодействие с автохтонными языками, лексические заимствования (*мазый*). Исследование лексики тематической группы «вечерние молодежные собрания» в русских говорах Симбирского Поволжья показывает как существование общерусских традиций молодежных посиделок, так и наличие специфических региональных черт Среднего Поволжья, которые нашли отражение в соответствующей лексике (*келья, кильдим, подвал, песнячить, встовую*). Выявлены также узколокальные диалектизмы, передающие традиции отдельных зон, например характерное для Ульяновского Присурья выражение *засиживать в келье*, противопоставляющее начало посиделок основному периоду полноценных собраний с совместными ночевками в кельях, т. е. *коренному сиденью*.

Ключевые слова: тематическая группа лексики, вечерние молодежные собрания, русские говоры, диалектная лексика, оценочная лексика.

Введение

Традиция вечерних собраний молодежи является важной частью народной духовной культуры в Поволжье, поэтому уже неоднократно попадала в поле зрения исследователей фольклора и русских говоров. Авторы коллективной монографии «Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь» (в 2-х частях, 2012 г.) указывают на большое значение вечерних собраний в жизни сельской молодежи, ведь именно там совершалось знакомство и общение молодых людей, завязывались отношения, которые нередко завершались браком [ТКУП, т. 2: 503]. В целом на таких собраниях шел процесс социализации молодежи: «...здесь происходило овладение трудовыми навыками, песенным, игровым и танцевальным репертуаром, усваивались этические и эстетические нормы, представления об окружающем мире и т. д.» [ТКУП, т. 2: 504].

В Симбирском Поволжье проживают представители четырех основных этнических групп: русские, мордва (преимущественно эрзя), татары и чуваша. Анализируя формы общения чувашской молодежи, Е. В. Сергеева говорит о том, что посиделки у тюркских, финно-угорских народов и русских преследовали цель общения молодежи, символизировали переход молодых людей в новый статус. Такая форма общения «способствовала формированию брачных пар, воплощала идеи продолжения рода и будущего сельского общества». Девушки старались обратить на себя внимание красивой одеждой, умением хорошо петь и танцевать, поддерживать разговор, «а также с наилучшей стороны продемонстрировать свой характер: веселая, и в то же время скромная», парни старались показать свою силу и самостоятельность [Сергеева 2021: 264].

Г. А. Корнишина описывает традиции социализации молодежи в мордовских деревнях Поволжья, в частности обычай аштеме: когда девушка начинала посещать молодежные гуляния, ее отправляли на два месяца (обычно с Покрова до Рождества) в соседнее село или в дальний конец своего села к родственникам в семью, где нужны были дополнительные рабочие руки. Девушка брала с собой кудель для прядения во время местных молодежных посиделок. Так родители увеличивали круг знакомств дочери, оповещали о ее взрослении и готовности к браку, о ее трудовых навыках. «То есть приглашение молодых людей на коллективные трудовые собрания служило демонстрацией их изменившегося социовозрастного статуса» [Корнишина 2017: 80].

Обзор литературы, материал и методы исследования

Анализ наименований вечерних собраний молодежи в русских говорах представлен в исследованиях О. Е. Кармаковой, О. В. Никифоровой, Е. В. Баженовой и Е. Е. Нецкар, Ж. А. Паниной. Диалектологи изучают наименования вечерних собраний молодежи в лингвогеографическом аспекте, классифицируют по мотивационным признакам [Кармакова 1983; Баженова, Нецкар 2015; Никифорова 2017; Панина 2015].

Кармакова ставит задачу соотнести названия вечерних собраний молодежи по материалам Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), собранным в середине XX в., с диалектным членением русского языка, а также выявить наиболее

продуктивные способы номинации [Кармакова 1983: 132]. Она подразделяет вечерние собрания молодежи на собрания: а) праздничные и будничные, последние могут быть с работой и без работы; б) проводимые летом или в осенне-зимний период; в) проходившие в помещении или вне помещения. Главным фактором при характеристике молодежных собраний Кармакова считает цель их проведения: с работой или с развлечением (в этом случае молодежь не просто гуляла, а подбирала себе пару) [Кармакова 1983: 133]. Автор исследования производит ареальный анализ отдельных лексем с учетом особенностей их семантики. В качестве одного из названий, известных только на весьма ограниченной территории, автор приводит слово *кельи* (в пространстве между Горьким и Пензой) [Кармакова 1983: 135]. С точки зрения мотивирующих признаков, лежащих в основе наименования вечерних собраний молодежи, Кармакова выделяет следующие наиболее продуктивные группы наименований: названия по действию субъекта (*сиделки*); названия по темпоральной характеристике (*досветки*); названия по локальной характеристике (*избушки*); названия по одному из элементов гулянья (*круг*) [Кармакова 1983: 138].

Баженова и Нецкар изучают названия вечерних собраний молодежи в самарских говорах, выделяют следующие группы слов: наименования, в основе которых лежит временная характеристика события — вечернее время суток (*вечерянки*); наименования, образованные от глагола *сидеть* (*поседки*); наименования, образованные от глагола *прясть* (*попрядушки*); наименования, содержащие локальную характеристику события (*избёнки*); наименования, образованные от корня *бесед-* (*беседы*); наименование, образованное от слова *играть* в диалектном значении (*игрища*) [Баженова, Нецкар 2015]. Никифорова, рассматривая наименования молодежных посиделок в нижегородских говорах, следует классификации Кармаковой [Никифорова 2017].

Панина, исследуя названия молодежных гуляний в архангельских говорах, выделяет молодежные гуляния с работой в осенне-зимний период, а также молодежные гуляния без работы. Автор подчеркивает, что «все лексемы, обозначающие гуляния молодежи, являются мотивированными» [Панина 2015: 255]. Среди мотивирующих признаков исследователь выделяет темпоральный (*вечёрка*), способ времяпрепровождения (*беседка*), основное занятие (*супрядка*), локативный признак (*улица*), основное занятие (*игрище*); составные наименования могут указывать на возраст участников (*вечеруха маленькая*), сообщать о времени проведения (*игрище ночное*), обозначать состав участников и т. д. [Панина 2015: 255].

Материалом для данного исследования послужили записи диалектной речи, производившиеся с 2012 по 2024 г. в ходе экспедиций в ряде населенных пунктов Старомайнского, Чердаклинского, Мелекесского, Николаевского, Инзенского, Карсунского, Сенгилеевского районов Ульяновской области, а также фрагменты диалектной речи из коллективной монографии [ТКУП]. Отметим, что в наших материалах наиболее возрастная группа информантов оказалась 1930-х гг. рождения. В их молодости традиционные молодежные собрания с работой в частных избах стали уходить в прошлое и уступать место собраниям в сельских клубах. При этом уличные собрания молодежи все еще оставались популярным способом проведения досуга.

Помимо традиционного выявления ареальных и мотивационных особенностей наименований вечерних собраний молодежи, в данном исследовании применяется

комплексный подход с привлечением этнокультурных данных и этимологических сведений в отношении некоторых лексем. В связи с полевым характером материала, актуальным представляется функциональный подход к описанию особенностей ряда слов. При изучении лексического оформления вечерних молодежных собраний необходимо учитывать этнологические данные о целях и особенностях проведения этих мероприятий. Это нужно не только для понимания их культурной значимости, но и для выделения микротем, которые формируют лексические подгруппы внутри общей тематической группы «Вечерние молодежные собрания». Мотивационный анализ наименований вечерних собраний молодежи в указанных выше исследованиях выявляет важнейшие микротемы, такие как локализация собраний, т. е. наименования помещений и других локаций для посиделок, а также наименования занятий и развлечений. В соответствии с целью молодежных собраний выделяются также микротемы оценки качеств молодых людей и отношений между парнями и девушками.

Анализ материала и результаты исследования

Описывая посиделки, т. е. зимние собрания молодежи (в будни — для работы, в праздники — как развлечение), В. И. Чичеров указывает, что они начинались задолго до рождественских дней. Начало их приурочивалось к какому-либо празднику, имевшему значение в аграрном календаре, часто осмысляемому как начало зимних работ; чаще всего эта дата приходилась на первое октября — на Покров [Чичеров 1957: 166–167].

В Симбирском Поволжье начинали *засиживать*, т. е. собираться на вечерние посиделки, после окончания осенних полевых работ, обычно на Воздвижение или на Покров. Первые *засидки* устраивали на какой-либо праздник: *Взвижанья чатырнаицатава числа — на няво. Если убяруцца. А то Пакров праздник — первава актибры, на няво делали заситки. Вот начинаиш. Будиш хадить каждый день уш. Бывала, где восемь, где десять девчонак сидели в сиденки*. Сур. [ТКУП, т. 2: 504]. Первые посиделки, как правило, были пробными, подготовительными, а полноценные собрания (т. н. *коренное сиденье*), когда девушки и парни оставались вместе на ночь, начинались после Покрова или Кузьминок. Собрания завершались обычно после Масленицы, к Великому посту.

Как свидетельствуют диалектные записи, таких собраний в одном селе могло быть несколько, в соответствии с размером села и количеством проживавшей в нем молодежи. В каждом собрании участвовали молодые люди из одного *курмыша* (т. е. одной улицы или конца села), собирались от пяти до девяти девушек, к которым приходило столько же парней: *Тада была видь нас многа, в каждом доми была многа. И вот сходились каждый сваим этим курмышом*. Карсун. [ТКУП, т. 2: 505]. «Посещение сиделок девушкой было равноценно объявлению ее невестой, с этого времени ее уже могли сватать» [ТКУП, т. 2: 505].

При этом определяющим фактором для участия девушки в молодежных посиделках был не столько возраст (как правило, 16–17 лет), сколько ее внутренняя готовность к общению с молодыми людьми, уверенное поведение, раскованность в компании. Важную роль играло и наличие у девушки необходимой одежды, чтобы она *девкой глядела*, т. е. выглядела как взрослая девушка. При этом в *кельях* вы-

рабатывались определенные требования к внешним и внутренним качествам девушек и парней. Так, девушка должна была быть красива, а точнее статная, стройная (*постáвная*). Одновременно ценилось скромное поведение, а также различные умения и таланты. Такую девушку называли *хорошей* и даже *славúщей* ‘славная, замечательная’: *Ой, кака девка хороша! Ну, мать с атицом славуци и ана эдака*. Инзен. [ТКУП, т. 2: 507]. Слишком раскованное по отношению к парням поведение девушки могло вызвать осуждение.

Состав девушек в одном собрании, как правило, оставался неизменным, в то время как состав парней мог меняться, компания парней за вечер могла обойти несколько собраний. Любимым занятием девушек было обсуждение качеств посещавших их парней, в результате чего вырабатывалась коллективная оценка каждого из кавалеров: хороший ли парень, *пригльáдчивый* ‘привлекательный, видный’, или же он нехороший, *благóй* ‘некрасивый, уродливый’. Если раскованное поведение девушек не одобрялось, то такое же поведение со стороны парней негласно поощрялось, девушкам нравились дерзкие, инициативные парни, для таких качеств использовали обозначения *вёрченый* ‘бойкий, дерзкий’, *люто́й* ‘смелый’. Слишком робкое поведение девушками не приветствовалось, но при этом и слишком бесцеремонное, деструктивное поведение также осуждалось, хулиганы (*озорники*) не пользовались уважением: *Какеи парни в чести-ти были? Каторыи сами себя вили скромна, харашо, — вот эти вот были в честé. А азарники не были в пачоти. Самастаятильняа нравились*. Карсун. [ТКУП, т. 2: 28].

Свою удаль и дерзость юноши могли продемонстрировать при исполнении частушек: *Ну када вот на вечорки выходииш вечирам-та, вот и... Эта ани жи играли всяка на гармониях и плисали, пригаваривали. Ну, вот эдак вот выламывались, песни пели*. Сур. [ТКУП, т. 2: 29]. С приходом на посиделки парней с гармонью или балалайкой девушки прерывали свою работу (прядение, вязание), начинались пляски с пением частушек, танцы, игры, состязание юношей и девушек в остроумии, находчивости (*подшунивание* ‘шутки, розыгрыши’): *Вот плясали «барыню», «подгорна», потом танцы были у нас: «поличка», «круковьяк», «падыспань», «вальс» — вот эти вот наши танцы были*. Сур. [ТКУП, т. 2: 518].

Как пишет Е. В. Тюганкова, у молодежи мордовских сел Поволжья также была выработана весьма сложная этическая система общения с представителями противоположного пола. «Возбранились бесшабашное, вызывающее поведение, неряшливость в одежде. Одобрялись степенность, а не вульгарность, самостоятельность, но в рамках дозволенного, здравый рассудок, веселый нрав, умение петь и плясать» [Тюганкова 2011: 183]. По словам Корнишиной, «взглянуть на развлечения прибывали родственники молодежи: они подмечали, какие формируются пары, оценивали поведение, степень мастерства в пении и танцах, умения вышивать, ткать и т. п.» [Корнишина 2017: 82]. Основной целью посиделок было установление и расширение круга добрых контактов юношей и девушек, взаимное оценивание. Главным признаком сложившейся парочки была совместная ночевка парня и девушки в *келье*. «В случае взаимного согласия парень становился женихом (кавалером, *матаней*, *ухажером*) девушки, а она — его *матаней*, *невестой*, *ухажеркой*» [ТКУП, т. 2: 25].

Итак, в соответствии с описанными особенностями молодежных собраний, можно выделить следующие подгруппы лексики в тематической группе «Вечерние молодежные собрания» в русских говорах Симбирского Поволжья.

Наименования локаций (помещений) для вечерних собраний молодежи: *избёнка, сиденка, келья* (с вариантами *кілья, килия*), *кильдём, подвал, брёвна, брёвнышки* (собирались на *брёвнах, на брёвнышках*), *у дворьев, улица, село, гумно* и др.

Чаще всего девушки договаривались о посиделках с одинокой старушкой, которой было тяжело обеспечить себе на зиму отопление. Как правило, девушки должны были принести дрова для отопления и керосин для освещения, но часто приносили какие-либо продукты и помогали с выполнением определенных работ [ТКУП, т. 2: 511]. Такое помещение называли *избёнка, сиденка, келья (кілья, килия), кильдём*.

Специфичной чертой Поволжья является широкое употребление слова *келья* (а также вариантов *кілья* и *килия*) для обозначения помещения для молодежных вечерних собраний. В СРНГ лексема *келья* зафиксирована с толкованием «помещение, в котором молодежь в деревне собирается на вечеринки, посиделки» и территориальными пометами «Нижегор.» и «Куйбыш.» (другое значение ‘вечеринки, посиделки, встречи сельской молодежи’ с пометами «Нижегор.», «Пенз.», «Сарат.») [СРНГ, т. 13: 180]. В «Словаре русских говоров Республики Мордовия» лексема *келья* приводится со значениями 1) ‘маленькая изба’, 2) ‘изба, в которой собиралась по вечерам сельская молодежь на посиделки’, 3) ‘вечеринка сельской молодежи’, 4) ‘группа сельской молодежи, собравшаяся на вечеринку’ [СРГМ, ч. 1: 360].

Авторы этнодиалектного словаря «Традиционная культура Ульяновского Присурья» высказывают предположение об активном использовании слова *келья* в Поволжье в связи с функционированием в этом регионе крупных религиозных центров и монастырских комплексов, а также в связи с присутствием значительных старообрядческих общин [ТКУП, т. 1: 163]. Действительно, в селе Ерыклинск *кельями* называли маленькие избышки, в которых жили келейники — члены одной из старообрядческих общин: *Были кельи у них, над гарой ани ставили сваи кельи — маленька избенка палтара на два метра, толька кровать и стол, и фсе. Дети если адделялись, ставили сваи кельи*. Мелекес. [ПМА 2016]. Использование данного слова в качестве обозначения помещения для молодежных собраний может быть связано с выбором именно небольших избышек стариков и бобылей. В качестве второй причины И. А. Морозов указывает на популярность символики монастыря в молодежных развлечениях и играх, что проявляется в особой терминологии (*монах, инок, игумен, келья, монастырь*), в переводе на символический язык молодежной игры — это также знак отречения от прежнего статуса «доброго молодца», неженатого парня [Морозов 1998: 106].

Авторы словаря «Традиционная культура Ульяновского Присурья» усматривают аналогичное развитие семантики у слова *кильдём* [ТКУП, т. 1: 163]: в СРНГ приводится значение ‘изба, в которую собирается молодежь на посиделки’ с территориальными пометами «Вят.», «Тереньгульский р-н Ульянов.», а также ‘дом бедной вдовы, в котором собиралась молодежь на посиделки’ с пометой «Тереньгульский р-н Ульянов.» [СРНГ, т. 13: 210]. В «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» Н. М. Малечи: *кильдим* — ‘небольшой домишко, маленькая низенькая комнатуха’, а также *кильдимишко* — ‘маленький домик, старый, покосившийся (любовно или с оттенком пренебрежения)’: *На краю улицы кильдимишко стоит* [Малеча 2003: 187]. Лексемы *кильдим* ‘ветхая изба’ и *кильдинка* ‘небольшая изба’ приводятся в «Словаре русских говоров Республики Мордовия» [СРГМ, ч. 1: 362]. С террито-

риальной точки зрения лексема *кильдим* распространена преимущественно в Поволжье и на Урале, имеются фиксации на юге России и в Сибири [СРНГ, т. 13: 210]. Исследователи высказывают предположение о тюркском происхождении данного слова [Аникин 2000: 289; Мызников 2019: 298].

Часто молодежи удавалось договориться о проведении собраний в *подвале* — так в Поволжье называют отдельно стоящее просторное хозяйственное помещение, немного заглубленное в землю и утепленное [ТКУП, т. 2: 509–510]. Лексема *подвал* в указанном значении фиксируется в Поволжье и приведена в [СРНГ, т. 27: 348].

После завершения посиделок в кельях в некоторых селах начинались уличные собрания молодежи, все отправлялись в село или на улицу: *Маслиница — последний день. Маслиница-та, гавение, маслиница была, эта уш фсе. На улицу фсе, «ф сяло» называлась, фсе в силе, да на улице.* Карсун. [ТКУП, т. 2: 367]. Лексемы *улица, село* здесь используются как ситуативные антонимы к лексемам *келья, сиденка* с актуализацией семы закрытого помещения. *Патом загавенья была, мать миня ни пускала на улицу. А што делать? Мы с падрушкой гаварим: «Айда вот в эту [избу]: муж с жаной живет, примит ана нас рагошки ткать? И мы на улицу будим хадить».* Сур. [ТКУП, т. 2: 367]. Лексема *улица* используется и в значении ‘гулянье молодежи с песнями и плясками’: *И я уж на улицу хадил, я как-та эта рана танцывать начала, мы ишо ни дефки, а проста так падростки танцевали.* Сур. [ТКУП, т. 2: 424].

В качестве особенности Симбирского Поволжья можно указать *сиденье (сиденки)* и развлечения в теплое время года *на брёвнах* (или *на брёвнышках*), чаще всего такие посиделки происходили в период между Пасхой и Троицей. На бревнах могли собираться по праздникам, по воскресеньям и даже в будние дни по вечерам: *Па фсяки: ф праздники, и ни ф праздники, и в будни, и в васкрисенья, вёчарам-ти, народу-ту! Хадил с гармоньей на сялу. А девки гуляли на бревнах. Ни па дамам, а летам на бревнах. Патходит гармонья, начынают играть, девки начынают плясать.* Карсун. [ТКУП, т. 1: 343]. Это могли быть бревна, привезенные для строительства или на дрова: *Вот драва привязут, у двара разгрузют. Ане садяцца на эти брёвна и вот пают песни.* Карсун. [ТКУП, т. 1: 346]. Иногда само собрание на бревнах называли *сиденкой*: *На сиденки, бывала: «Айдати на сиденку!» Брёвна вот у нас тут напротив были, брёвнав многа навалёна. Сиденки называли мы йих: «Мы на сиденку идём гулять».* Карсун. [ТКУП, т. 1: 344].

Еще одним обозначением места летних молодежных собраний было *у дворьев*: *Раньшы не была клубаф, ни хадил. У дворьф. Вот у чьево двара каравод этыт сабиретси, дефки, рабяты придут вечирам свае. З гармонью придут или там з балалайкой.* Карсун. [ТКУП, т. 1: 344].

В селах Инзенского района на Благовещение родители *на улицу* не пускали, молодежь ходила *на солому, на гумно*, устраивались гуляния *на соломе*: *На Благовещинья у нас только хадил на гумно. Гумны были, на гумнах была салом там эта, корм был. Вот дефки сабирались на эта гумно, и к ним хадил рабяты вот. Только эта на Благовещинья, на Верьбна.* Инзен. [ТКУП, т. 1: 209].

Наименования вечерних собраний молодежи: *засидки, засижение, поседки, сиделки, сиденье, сиденка, избёнка, келья, кильдим, беседа, вечёрки, вечеренька, коровод, улица.*

Значительная часть этих лексем мотивирована глаголом *сидеть* в значении ‘проводить время на вечерних собраниях молодежи’ (*засидки, поседки, сиделки, си-*

день, сиденка). Особо отметим лексемы *засидки*, *засижение* ‘первые с начала осеннего сезона посиделки, приуроченные к какому-либо празднику’, мотивированные глаголом *засидеть* (*засиживать*) ‘начать собираться на молодежные посиделки’ с начинательной приставкой *за-*. В Ульяновском Присурье употреблялась устойчивая формула *засиживать в келье* (*кельях*), что значит ‘начинать собираться на регулярные посиделки’: *Вот, помню, засиживали: «Нынчи в кельи засиживать!» На асенню ярманку, васьмова синтября што ли ана бывает, — засиживают в кельи. Ну вот, пайдем в келью, пасидим там, чай набалтам, папаём быть можът, можът папляшым.* Карсун. [ТКУП, т. 2: 504]. Лексема *засидки* в СРНГ приводится с территориальными пометами «Яросл., Твер., Влад., Моск., Брян.» [СРНГ, т. 11: 31], лексемы *засидеть*, *засидеться*, фразеологизм *засиживать в келье* в СРНГ отсутствуют. Нет в словарях и лексемы *засижение*, хотя она используется информантами для описания начала молодежных собраний: *Мы вроди как в Здвижныня засиживали ф кельи, ф сиденках. Вот, падружыньки, Здвижныня, девичье засижыня. Ф кельях мы засиживали.* Карсун. [ТКУП, т. 1: 280]. В Ульяновском Присурье лексически разграничивалось начало девичьих собраний-посиделок, когда девушки только приходили с работой и к ночи расходились по домам (*засидки*, *засижение*), и основательные посиделки с ночевкой в келье с парнями (*коренное сиденье*): *А на Здвижение пасидим вичарок и дамой уходим. А тут уш начинали. Эта уш тут Микола, эта уш тут карянная наша сиденья.* Сур. [ТКУП, т. 2: 179].

Другие лексемы с корнем *сид-/сед-* (*поседки*, *сиделки*, *сиденка*, *сиденье*) имеют широкое, интердиалектное распространение, однако тяготеют к говорам смежных с Поволжьем территорий: в СРНГ имеют территориальные пометы «Пенз., Тамб., Ряз., Рост., Волгогр., Дон., Горьк.» (*сиделки*), «Терск., Саратов., Р. Урал» (*сиденка*) [СРНГ, т. 37: 280, 282]. Лексемы *сиденка*, *избёнка*, *келья*, *кильдим* в значении ‘собрание, посиделки’ мотивированы прямым значением ‘помещение для собраний’: *С осени и да пасту, как пост началси, то фсё, избёнки кончились.* Инзен. [ТКУП, т. 2: 519]; *И вот в кельи мы, набирём (ну и из даму хто чаво тащит), набирём, весь день стряпаам, варим, фся келья.* Инзен. [ТКУП, т. 1: 621].

Слова *вечёрки*, *вечеренька* применялись в Симбирском Поволжье в основном в отношении вечерних собраний молодежи в доме невесты в течение нескольких дней перед свадьбой, мотивированы темпоральным значением корня *вечер-*: *Усвтали, фсё, начинаюца вечорки: эт приходит жэних с товаришишами к невести, каг бы пасиделки, а тогда вот называли вечорки.* Чердаклин. [ПМА 2015].

Лексема *беседа* в значении ‘вечернее собрание молодежи’ имеет преимущественное распространение в севернорусских и среднерусских говорах (по данным карты ДАРЯ № 93), в Симбирском Поволжье чаще используется в значениях ‘застолье’ или ‘гости на свадьбе’ (*Вот абвенчаца, к жэниху привядут, маладых спрячут, а беседа садица угаица.* Инзен. [ТКУП, т. 1: 324]).

Лексема *коровод* отмечена в описаниях гуляний девушек и юношей в теплое время года, когда они сходились после работы, в вечернее время у дворян или на брёвнах: *Эта ицо там был свой каравод, а тут свой каравод был, а мы придём глидеть. Каждый ф сваем караводи плясали, так уж ни принята как-та была <к чужим ходить>. Ну а рабята хадили-ти ка фсем тут.* Карсун. [ТКУП, т. 1: 344]. Под *хороводами* (диалектное *корогод*, *коровод*) «понимается, скорее всего, разновидность весенне-летних молодежных собраний и развлечений, включающих в себя

общую характеристику движения или расположения групп играющих, а также пляску и пение» [ТКУП, т. 1: 164]. По мнению Т. А. Бернштам, хоровод был универсальной формой игры (жизни) молодежи, в рамках которой она выполняла свои ритуальные функции в календарно-трудовых обрядах коллектива и проводила собственный досуг, состоящий из повседневного общения и игр (в узком значении) с разнообразной возрастной (переходной) символикой [Бернштам 1988: 233].

По полевым данным Тюганковой, подобные же гуляния (*коровод, карогот*) устраивала молодежь мордовских сел Самарского Заволжья. «Хороводные гуляния проводились под открытым небом: у околицы, на лугу, на деревенской улице, на поляне. Они проходили на определенном месте, где клали бревна, перевернутые корыта» [Тюганкова 2011: 183].

В значении слова *улица* синкретично существуют семы 'собрание молодежи' и 'место гуляния': *Да ну, чай гадов пятнацать-читырнацать я хадила уж на вулицу хадила. А уж девятнацать гадов я уж замуж вышла*. Инзен. [ТКУП, т. 1: 333]. Такие гуляния устраивались, как правило, в вечернее время, когда завершались хлопоты по хозяйству.

Наименования занятий и развлечений на посиделках.

В старину главным занятием для девушек в келье было прядение или вязание. «Осенью, пока еще не была готова кудель, пряли шерсть и вязали из нее носки, чулки, варежки» [ТКУП, т. 2: 512]. В начале XX в. в личных хозяйствах сеяли коноплю и пряли кудель: *«Зинаида, вот штоп почáдок». А почáдок — эта рушник, вот когда прядёш — эта рушник называцца, а почáдок — тут рушника два, наверно*. Сур. [ТКУП, т. 2: 513]. В праздничные и воскресные дни не пряли, считали это грехом, но можно было вышивать: *Пряли в будни, в васкрисенья уж мы ничаво ни делаам, а ниделю всю кто вяжыт, кто прядёт. Десить мбчак я брала, намыкаам, на куделюти, я их всех пряду. На адин вечар! Каждый вечар десить мочак и два начатка*. Сур. [ТКУП, т. 2: 513]. В послевоенные годы пряли все реже, в основном вязали, популярным стало вязание кружев крючком. Для описания своей работы пожилые информанты использовали как общеупотребительную (*прять, вязать*) и интердиалектную лексику (*мбчка* 'пучок кудели для прядения', *кудэля* 'пучок вычесанного льна, пеньки или шерсти, приготовленный для пряжи'), так и лексемы, характерные для Поволжья (*почáток* и вариант *почáдок* 'пряжа с двух веретен, скрученная в одну нить', *рушник* 'пряжа с одного веретена') [СРНГ, т. 30: 374; 35: 283], а также глагол *намы́кать* 'расчесать, разровнять гребнем, щеткой (лен, коноплю, шерсть)', употребительный в южнорусских говорах [СРНГ, т. 20: 44].

После прихода парней в келье начинались игры и пляски. Самые ранние воспоминания наших информантов относятся к предвоенным годам XX в. (т. е. к концу 1930-х — началу 1940-х гг.). К этому времени в молодежной среде хороводные игры практически были вытеснены плясками под пение частушек и танцами. То же самое характерно и в отношении игр с текстами. Они лучше сохранились у детей, но почти не представлены в молодежных посиделочных и уличных развлечениях [ТКУП, т. 1: 513].

В данной группе важное место занимает глагольная лексика, прежде всего отметим лексему *играть*, которая реализуется в трех основных значениях: 1) 'плясать', также в сочетаниях *чижи́ком играть* 'плясать и петь в парах' (*И чыжы́ком играли вот парами, вот я с тобой, друга с другой — и вот берёмса и кружымса*,

играм, поём чыжык, я фсё время запёвала, чыжыком играли фсяки песни. Старомайн. [ПМА 2013]) и *играть* короводом ‘водить хороводы’ (А потом делали девшишник, жэних с невестай сидят ф переднем углу, фпреди, а тут кароводам играют дефки, поют песни девшишэнски. Старомайн. [ПМА 2013]); 2) ‘развлекаться, забавляться’, в сочетаниях *играть* дубом и *играть* в ладоши ‘игра с битьем ладоней, в которую играли во время посиделок’ («Давай-и дубам играть!» Сидит дефка, и в ноги к ней вот эдак вот кладёш голаву, а руки вот так назад делаеш. Хлопнут, вот и фстаёш атгадаваеш, кто хлопнул. Агдаш, он лажица эдак. Ну вот играли дубам. Карсун. [ТКУП, т. 1: 479]); 3) ‘гулять с парнем или с девушкой (о любовных отношениях)’ (Играли, да, ани парачкай играли. Инзен. [ТКУП, т. 2: 24]). Значения ‘петь и плясать’ и ‘находиться в любовных отношениях’ являются интердиалектными, хорошо известны в Поволжье.

Среди забав и игр, характерных именно для молодежных собраний, укажем игру *шабрики*: *Ф посетки сидят нескалька дефчонак. Я ухожу ф сени и гъворю: «Выгоньте эту дефчонку», её гонют ремнём, ну не то шта ту её насилкай гонют, а проста, она устаёца, она вызыват другова, ково ей нада. Вот эт называли шабрики.* Старомайн. [ПМА 2013]. Производящей основой названия игры является существительное *шабры* ‘соседи’.

В Симбирском Поволжье использовались различные глаголы в значении ‘петь частушки’: общеупотребительный глагол *припевать*, а также диалектные лексемы *приговаривать* (употребляется в русских говорах Поволжья, в некоторых среднерусских и южнорусских говорах, например в белгородских, смоленских и донских [СРНГ, т. 31: 163]) и *подговаривать* (региональная лексема, отмечена в русских говорах Мордовии [СРГМ, ч. 2: 845]).

Ряд глаголов использовался для обозначения той или иной манеры танца: *плясать* ‘весело танцевать, как правило, под частушки’, *танцевать* ‘исполнять танец (кадриль, вальс и т.п.)’, *топаться*, *ториться* ‘плясать’: *А ишиш ходили с озорством. Вот углей насыпют на пол-та, торяца в комнате, пляшут, наряжны-та.* Сур. [ТКУП, т. 2: 112]. Для демонстрации мастерства в пляске, танце нужно было уметь *дробить* ‘отбивать ногами в танце, пляске дробь; ритмично передвигаться мелкими шажками, притоптывая’: *Гармонь заиграла, и вот выходят двое или одна ли и вот дробит, и припефки поют.* Старомайн. [ПМА 2013]. С этим же значением используются два устойчивых выражения: *дробь выбивать* и *дрели выбивать*: *Дрели были, вот в перибифку, кто перибьёт. Ну вот эти вот марячки-ти, ани вот выбивали дрели-ти.* Сур. [ТКУП, т. 2: 279]; *Выходиш, дробь выбиваиш, пляшиш.* Старомайн. [ПМА 2013].

Отмечен также глагол *выговаривать* в диалектном значении ‘искусно играть на музыкальном инструменте’: *Вот тот на баяни-ти, млатишый, играл, выгаваривал пряма.* Сур. [ТКУП, т. 2: 278]. В говорах Симбирского Поволжья зафиксирована еще одна локальная лексема, обозначающая особый способ музыкального сопровождения плясок: *вратовую* ‘имитируя голосом гармошечный или балалаечный наигрыш’ (Тоже эта я играю вратавую там кагда, если гармошки-та нету, играю, ана валит пляшит, и ноги задират. Карсун. [ТКУП, т. 2: 277]).

Наименования **плясовых песен (частушек)**: *приговорка*, *подговорка*, *припевка*, *перегудка*, а также плясовые песни на определенный мотив: *подгорная*, *семёновна*, *барыня*, *цыганочка*, также *плясать русского* и *плясать елецкого*. Особенностью лек-

сем, именуемых плясовые песни, является семантический синкретизм — соединение в их значениях сем пения и пляски в единое целое: *Подгорну плясали, семёнавну плясали, цыганачку плясали вот. Семёнавна, подгорна — эта частушки: семёнавна-семёнавна, тебя поют везде...* Старомайн. [ПМА 2013]. Лексемы *подгорная*, *семёновна* являются интердиалектными [СРНГ, т. 27: 379; СРНГ, т. 37: 148]. Лексемы *барыня*, *цыганочка*, устойчивые обороты *плясать русского*, *плясать елецкого*, а также лексема *припевка* не являются диалектными, зафиксированы в [БАС, т. 1: 279; БАС, т. 17: 725; БАС, т. 9: 1476; БАС, т. 11: 663]. Слово *приговорка*, как и мотивирующий его глагол *приговаривать*, в качестве обозначения частушки употребляется в русских говорах Поволжья, в среднерусских говорах, в некоторых южнорусских, например в смоленских, донских [СРНГ, т. 31: 164], в севернорусских говорах эта лексема имеет значение ‘поговорка, прибаутка’. Лексема *перегудка* в значении ‘частушка’ характерна для севернорусских говоров [СРНГ, т. 25: 74]. Лексема *подговорка* ‘плясовая песня, частушка’, как и мотивирующий ее глагол *подговаривать* ‘петь частушки’, является характерной особенностью говоров Среднего Поволжья, также отмечена в рязанских говорах [РТК: 296]. На примере лексем со значением ‘плясовая песня, частушка’ прослеживается сложный путь формирования говоров территорий вторичного заселения, испытавших влияние как южнорусской, так и севернорусской стихии, в то же время выработавших свои специфические особенности.

В селе Урено-Карлинское зафиксировано специфическое название напева — *под песню*. Это особый напев с повтором строк в быстром и медленном темпе (*У нас есть месная старинная песня, наши родители называли её «пат песню»*). *Паёца две строчки. Эти две строчки быстра паюца, а патом уш ани растягваюца*. Карсун. [ПМА 2012]).

Наименования **протяжных песен**: *тяговáя песня* — в СРНГ с территориальными пометами «Новг., Дон., и Морд.» [СРНГ, т. 46: 66], *длинная песня* (*Эт припефки припефкими, эт пляс, веселье, а песни ужэ эти песни длинные поёш, песни-ти протяжные*. Старомайн. [ПМА 2013]).

Наименования **элементов плясок**: *перепляс* ‘парная пляска, в которой исполнители, соревнуясь в ловкости, пляшут поочередно’, является общепотребительным; *дрéли* ‘дробь в танце: ритмичное передвижение мелкими шажками с притоптыванием’: *Дрели были, вот в перибифку, кто перибьёт. Ну вот эти вот марячки-ти, ани вот выбивали дрели-ти*. Сур. [ТКУП, т. 2: 279], диалектная лексема.

Отдельно рассмотрим лексему *песня́к*, использующуюся, как указано в [СРНГ, т. 26: 305], чаще всего в родительном падеже единственного числа (*песня́ка*) и в значении ‘громкое пение песен, веселье с песнями’: *А так-та да Троицы, Взви-синьё там или нет, там гуляньив нету, там толька хараводы, писня́ка, так проста сходяюца*. Инзен. [ТКУП, т. 1: 343]. Такая форма (*песня́ка*), очевидно, является компрессией устойчивых сочетаний *давать* (*задавать*, *раздавать* и т. д.) *песня́ка*, которые представлены в южнорусских и среднерусских говорах, в русских говорах Урала, отражены в [СРНГ, т. 26: 305]. Встречаются и «живые» формы глаголов, управляющих родительным падежом: *Ани канпанией сабяруюца, писня́ка в панидельник в Чыстый пают. Грех, гаварят*. Карсун. [ТКУП, т. 2: 597]. В Симбирском Поволжье отмечен и соответствующий глагол — *песня́чить* ‘громко петь песни’.

Оценочная лексика, характеризующая качества девушки, парня, является важным компонентом лексического оформления традиционных молодежных со-

браний, так как одной из важнейших целей этих собраний была выработка этических норм и аксиологических установок в добрачном поведении юношей и девушек. Чичеров описывает молодежные вечерки с игрищами как один из узловых моментов в семейной брачной обрядности: «На игрищах молодежь знакомилась, сближалась, узнавала друг друга» [Чичеров 1957: 180].

Данная группа содержит слова разных частей речи, прежде всего **оценочные прилагательные**:

пригля́дчивый ‘привлекательный, видный’: *Он такой пригля́тчавый, и нежный какой-та, и чылавечнай, умеет гаварить па-умному, па-харошому, а ни толька хулиган.* Карсун. [ТКУП, т. 2: 516]; в СРНГ зафиксировано с пометами «Самар.» и «Р. Урал» [СРНГ, т. 31: 160], есть в словаре русских говоров Мордовии [СРГМ Доп: 202];

паста́вный ‘статный, стройный’: *Ну как-та сразу видна девушку, ну красива, паста́вна.* Карсун. [ТКУП, т. 2: 507]; лексема широко представлена на Урале и в Поволжье [СРНГ, т. 30: 210];

ма́зый ‘красивый’: *Красивый — у нас гъварят мазый, цветка.* Николаев. [ПМА 2024]; слово зафиксировано в Николаевском р-не Ульяновской обл., отсутствует в СРНГ, имеет мордовское происхождение: эрзя *мазы* ‘красивый’ [ЭРС: 357], возможно, является субстратным элементом в селах, где жила мордва, узколокальная лексема;

аккуратный ‘статный, стройный’: *Ну ана и красива, ну ни то штъ багата, ну красива, паста́вна. Ну, эта паста́вна — акуратна.* Карсун. [ТКУП, т. 2: 507]; есть в [СРГМ, ч. 1: 4], употребляется в диалектном значении;

славу́щий ‘хороший, уважаемый’: *Ну эдак же называли: «Ой, какая дефка хороша! Ну, мать с аццом славуции и ана эдака».* Инзен. [ТКУП, т. 2: 507]; характерна для Среднего Поволжья, есть в СРНГ с пометами «Симб., Ульянов., Пенз., Нижегород., Р. Урал» [СРНГ, т. 38: 220];

хороший ‘красивый, пригожий; привлекательный, видный’, в таком значении широко распространено в южнорусских говорах [СРНГ, т. 51: 309];

чуба́тый ‘с красивым чубом (о парне)’, лексема является общеупотребительной;

благóй ‘некрасивый, уродливый’, лексема в этом значении хорошо известна в Среднем Поволжье [СРНГ, т. 2: 307];

неудо́бный ‘некрасивый’, ‘неуклюжий’: *Пра некрасивую гаварили «неудобна»: ой, ана така неудобна!* Николаев. [ПМА 2024]; используется в диалектном значении, есть в [СРГМ, ч. 1: 660];

ве́рченый ‘бойкий, дерзкий (о парне)’: *Уш он, канешна, ве́рченый, фсех перибьёт, с какой нада яму з дефкай, с такой и пайдёт.* Карсун. [ТКУП, т. 2: 514]; лексема используется в Среднем Поволжье [Моисеенко 2002: 18; СРНГ, т. 4: 171];

люто́й ‘смелый’: *На боку дыру верти́т — так эта уш он больна люто́й, смелый.* Сур. [ТКУП, т. 2: 28]; интердиалектная лексема, в данном значении характерна для Среднего Поволжья.

К этой группе примыкают адъективные фразеологизмы *из окошка продать* ‘о красивом парне, красивой девушке’ (диалектный фразеологизм, характерный для Среднего Поволжья) и *страсть страстей боится* ‘о некрасивом человеке’, локальный фразеологизм.

Таким образом, для привлечения внимания парней девушка должна быть, прежде всего, стройная, статная, чтобы ее можно было назвать *поставной*, *аккуратной*, но при этом скромной, тогда она заслужит определения *славущей*. Для привлечения внимания девушки парень должен быть видный, привлекательный, чтобы его можно было назвать *приглядчивым* или даже *мазым*, но одновременно *верченым* или *лютым*. Большая часть приведенных прилагательных представляет собой диалектизмы, употребляющиеся в Среднем Поволжье, но среди них есть и узколокальные элементы (*мазый*, *страсть страстей боится*).

Также в эту группу попали **оценочные существительные**, характеризующие внешность человека:

цвётка ‘красавица, красавец’, видимо, локальное оценочное существительное в Николаевском р-не Ульяновской обл.;

картинка ‘красавица’: *Дефка-та какая, картинка!* Старомайн. [ПМА 2013]; в БАС отмечено как просторечное [БАС, т. 5: 836];

кряля ‘красотка, нарядно одетая женщина’: *Вон кака кряля-та идёт!* Чердаклин. [ПМА 2015]; широкоупотребительное, используется как фольклорное, в говорах не имеет негативных коннотаций; *кряля* — слово западнославянского происхождения, польское *krala* ‘королева (карточн.)’, ‘красотка’ [Фасмер 1987: 365].

Несколько лексем характеризуют умения человека:

пёсельник и *пёсельница* ‘человек, любящий и умеющий петь, певун (певунья)’: *Тогда вить фсе какеи-та пёсельники были, какие песни старинны хорошы пели, сейчас вот гляжу гуляют, ни петь, ни плясать не умеют.* Старомайн. [ПМА 2013]; интердиалектные лексемы;

топтун ‘любитель плясать’: *И плясун, и топтун, и танцор — как только не звали. Ну, начали топтаца, топтуны.* Мелекес. [ПМА 2022];

плясунья с *вы́ходом* ‘девушка, которая заводит пляску’.

В эту группу входит и несколько глаголов, обозначающих действия, нацеленные на привлечение к себе внимания:

выла́мываться ‘всеми способами стараться обратить на себя внимание’: *Эта ани жы играли фсяка на гармониях и плисали, пригаваривали. Ну вот эдак вот выламывались, песни пели.* Сур. [ТКУП, т. 2: 29]; широкоупотребительное слово просторечного характера;

вычекма́ривать ‘стараться привлечь к себе внимание’: *Стаит в тилеги-ти и вычакма́риват ва фсю глотку.* Инзен. [ТКУП, т. 2: 621]; есть в [СРГМ Доп: 94], диалектная лексема, характерная для Среднего Поволжья;

вычу́жать и *причу́жать* ‘совершать странные, смешные поступки; чудить’: *Нарядюца, бывалача, вот и ходим за ней, глйдим, смиёмся, как ана вычужат.* Карсун. [ТКУП, т. 2: 110]; лексемы распространены в Поволжье, в СРНГ приводятся с территориальными пометами «Пенз.», «Сарат.», «Симб.» [СРНГ, т. 6: 57] и южнорусское («Дон.») [СРНГ, т. 32: 63];

нафа́тлиться ‘нанести много косметики себе на лицо, накраситься’: *Куда эт ты нафатлилась?* Чердаклин. [ПМА 2015]; узколокальная лексема;

начену́риться и *причену́риться* ‘принарядиться, причесаться, накраситься, придать себе красивый вид’, южнорусские лексемы, в СРНГ приводятся с пометами «Ворон.», «Курск.», «Дон.», «Кубан.» [СРНГ, т. 20: 283] и «Ставроп.», «Р. Терек», «Смол.», «Курск.», «Кубан.» [СРНГ, т. 32: 59].

Большая часть глаголов данной группы используются в южнорусских говорах или в говорах Среднего Поволжья. В целом в группе оценочной лексики значительная доля лексем имеет региональное распространение.

Еще одна группа лексики связана с реализацией цели вечерних молодежных собраний — с формированием партнерских отношений между юношами и девушками — **лексика любовных отношений**. Чичеров показывает, что песни, пляски, хороводы, игры объединялись общей темой любви и брачного союза: «Не случайно время, следующее за святками, считалось таким подходящим для сватовства и брака; не случайно на новый год все заполняли игры и песни, изображающие свадьбу, перераставшие во многих случаях в целые инсценировки брачного обряда» [Чичеров 1957: 184]. Посиделки завершались во время Великого поста. В это же время завершался и свадебный период, большая часть свадеб происходила в зимний мясоед после Святков. Не вышедших замуж девушек в шутливой манере предлагали (*навяливали*) свободным парням [ТКУП, т. 2: 520]. Период добрачных отношений мог длиться у пары от нескольких месяцев до нескольких лет. Старшее поколение использовало для описания таких отношений слова *матаниться* и *играть*, более молодые для обозначения ухаживаний используют слова *дружить*, *гулять*, *ходить*, *хороводиться*. Большая часть этих лексем являлся общеупотребительными. Лексема *навяливать* — интердиалектная, известна и в севернорусских говорах, и в южнорусских, в Поволжье, на Урале и в Сибири [СРНГ, т. 19: 192].

Лексема *матаня* (м. р. и ж. р.) ‘возлюбленный (-ая)’ и ее производные (существительное *матанька* ‘возлюбленный (-ая)’ и производные глаголы *заматанить* ‘завязать любовные отношения’ и *матаниться* ‘находиться в любовных отношениях’) хорошо известны русским говорам Поволжья, Урала, Сибири, некоторым южнорусским говорам (Тамбовской, Тульской, Воронежской обл.) [СРНГ, т. 18: 20]. Благодаря высокой частотности лексемы *матаня* в частушках произошел перенос данного наименования на один из видов частушек:

Первоначально «матаня» (подобное дроле, залетке, статеечке, забаве, паичке, приятке других частушечных ареалов) — распространенное на Волге народно-песенное название возлюбленной или возлюбленного. Слово, с которым исполнители частушек обращались к своим возлюбленным, так часто звучало и в запевах, и в припевах, что по нему была названа вся жанровая разновидность» [Петровский 1987: 211].

Обсуждая такой тип поволжских частушек, как страдания, В. С. Бахтин написал:

Близка к страданию саратовская «матаня», тоже названная по характерному для нее слову. И «страдания», и «матаня» встречались собирателями главным образом в поволжских губерниях и в средней полосе России. А. М. Горький высказывал мысль о том, что саратовская «матаня» предшествует современной частушке [Частушка 1966: 581].

Исследователи частушечного жанра «матаня» затрагивают и вопрос о происхождении данного слова, возводят его к мордовским источникам, что допустимо по ареальным критериям, однако непосредственные параллели из мордовских языков не приводятся, так как прямые соответствия не найдены.

Генетически слово «матаня» исходит из мордовского языка и в буквальном переводе означает «милый», «ухажер». Однако нередко в толкованиях современных сельских исполнителей тамбовской глубинки встречаем иную, народно-русскую фольклорную трактовку этого слова. Понятие «Матаня» в данной трактовке опирается на созвучное по разговорной речи слово «мотаться», т. е. не отличаться постоянством чувств. По определению самих народных информаторов «Матаня» (может быть «он» или «она») — не жених, не невеста. Часто данное обращение относится к персонажу, небезразличному сердцу исполнителя, «*выматывающему душу*» неопределенностью отношения к поющему [Москвичёва 2012: 132].

Лексема *дрóля* ‘возлюбленный (-ая)’ (чаще м. р.) является интердиалектной, по сведениям различных источников, появилась в обиходе в конце XIX — начале XX в., чаще всего встречается в фольклорных текстах (в частушках) [СРНГ, т. 8: 199]. В исследовании, посвященном существительным общего рода, называющим любимого человека в ярославских говорах, С. Л. Гурская указывает глагол *дрóлиться*, известный в значениях ‘иметь любовные отношения с кем-либо’ (арх., иван.) и ‘гулять, проводить время с любимым’ (свердл.), в качестве мотивирующего для слов с корнем *дрол’-*, называющих милого, возлюбленного человека: *дрóля, дрóлинька, дрóлечка, дрóлька* [Гурская 2009: 171–172]. Г. В. Судаков допускает и обратное соотношение (глагол возник из существительного), поясняет, что *дрóля* стало словом преимущественно «частушечным», обозначающим чаще всего любимого [Судаков 2017: 103]. Лексемы *милёнок* ‘возлюбленный’, *ягодиночка* ‘возлюбленная’ являются общенародными, как и *ухажёр, кавалер*.

Заключение

Итак, на основании фольклорного и этнографического описания особенностей молодежных собраний, в русских говорах Симбирского Поволжья были выделены следующие подгруппы лексики в тематической группе «Вечерние молодежные собрания»: 1) наименования локаций (помещений) для вечерних собраний молодежи (*избёнка, сиденка, келья, кильдим, подвал, на брёвнах, у дворьев, гумно* и др.); 2) наименования вечерних собраний молодежи (*засидки, засижение, поседки, избёнка, келья, кильдим, коровод* и др.); 3) наименования занятий и развлечений на посиделках (*приговорка, перегудка, тяговая песня, дрели, выговаривать, приговаривать, песнячить* и др.); 4) оценочная лексика, характеризующая качества девушки, парня (*приглядчивый, поставный, мазый, неудобный, славуций, цветка, вычекмаривать* и др.); 5) лексика любовных отношений (*играть, матаниться, наваливать, матаня, дрóля* и др.).

Состав выделенных групп отражает лексическое оформление как общерусских традиций вечерних собраний молодежи, так и специфические региональные черты Среднего Поволжья. Так, выражение *засиживать в келье* отражает сразу две местные особенности: 1) характерное для Поволжья наименование помещения для собраний (*келья*); 2) лексическое оформление начала посиделок (*засиживать, засижение*), противопоставленное «настоящим», полноценным посиделкам с ночевкой девушек, а иногда и парней, в кельях (*коренное сиденье*). Из других локальных наименований укажем *кильдим, подвал*, а также названия мест для уличных собраний — *брёвна, гумна*.

Лексика в составе этих групп имеет разнородный характер с функциональной и ареальной точек зрения. Группа наименования локаций (помещений) для вечерних собраний молодежи содержит как интердиалектную (*избёнка, сиденка, улица*), так и региональную (*келья, кильдим*) и узколокальную лексику (*подвал, брёвна, у дворьев, гумно*). Группа наименования вечерних собраний молодежи содержит интердиалектную (*поседки, сиделка, коровод, улица*) и региональную лексику (*келья, кильдим, засидки, засижение*). В группе наименований занятий и развлечений на посиделках значительная часть лексем относится к числу интердиалектных и общеупотребительных (*подгорная, семёновна, елецкого и др.*), часть лексем относится к региональным (*подговорка, подговаривать, приговаривать, приговорка, перегудка* и др.), есть и узколокальные лексемы (*вротовую, под песню, песнячить*). Большая часть оценочной лексики, характеризующей качества девушки, парня, имеет региональный характер, используется в Поволжье (*приглядчивый, поставный, славуший, верченый*), имеются и локальные элементы (*мазый, неудобный, цветка*). Лексика любовных отношений является интердиалектной и общеупотребительной, также отметим ее тесную связь с фольклорными источниками, в частности с частушками. Мордовское влияние прослеживается в использовании локальной лексики *мазый*.

Список сокращений районов Ульяновской области

Инзен. — Инзенский
 Карсун. — Карсунский
 Мелекес. — Мелекесский
 Николаев. — Николаевский
 Старомайн. — Старомайнский
 Сур. — Сурский
 Чердаклин. — Чердаклинский

Источники

ПМА 2012 — Полевые материалы автора за 2012 г., с. Урено-Карлинское Карсунского р-на.
 ПМА 2013 — Полевые материалы автора за 2013 г., с. Красная Река Старомайнского р-на.
 ПМА 2015 — Полевые материалы автора за 2015 г., с. Крестово-Городище Чердаклинского р-на.
 ПМА 2016 — Полевые материалы автора за 2016 г., с. Ерыклинск Мелекесского р-на.
 ПМА 2022 — Полевые материалы автора за 2022 г., с. Рязаново Мелекесского р-на.
 ПМА 2024 — Полевые материалы автора за 2024 г., с. Барановка Николаевского р-на.

Словари и справочная литература

Аникин 2000 — Аникин А. Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. М.; Новосибирск: Наука, 2000.
 БАС — *Словарь современного русского литературного языка*. В 17 т. Чернышев В. И. (глав. ред.) и др. (ред.). М.; Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1948–1965.
 Малеча 2003 — Малеча Н. М. *Словарь говоров уральских (яицких) казаков*. В 4 т. Т. 2. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 2003.
 Моисеенко 2002 — Моисеенко М. Ф. *Словарь русских говоров Волжско-Свияжского Междуречья*. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002.
 Мызников 2019 — Мызников С. А. *Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов*. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.

- РТК — Морозов И. А., Слепцова И. С., Гилярова Н. Н., Чижикова Л. Н. *Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь*. Рязань: РОНМЦНТ, 2001.
- СРГМ — Михалева Т. В., Семенкова Р. В., Чикина Л. К. *Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия*. В 2 ч. СПб.: Наука, 2013.
- СРГМ Доп — Семенкова Р. В., Чикина Л. К., Акимова Э. Н. *Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Дополнительный выпуск*. СПб.: Наука, 2015.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П., Мызников С. А. (гл. ред.). Вып. 1–52. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021.
- ТКУП — *Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь*. В 2 т. Морозов И. А., Чередникова М. П. (отв. ред.). М.: Индрик, 2012.
- Фасмер 1987 — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т. Т. 2. Трубачев О. Н. (пер. с нем. и доп.). 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987.
- ЭРС — *Эрзянско-русский словарь*. Серебренников Б. А. и др. (ред.). М.: Рус. яз., Дигора, 1993.

Литература

- Баженова, Нецкар 2015 — Баженова Т. Е., Нецкар Е. Е. Результаты картографирования лексики традиционной народной культуры (названия вечерних собраний молодежи). В сб.: *Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы*: мат-лы 10-й междунар. науч.-практ. конф. Вершинина Л. В. (отв. ред.). Самара, 2015. С. 34–37.
- Бернштам 1988 — Бернштам Т. А. *Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в.* Л.: Наука, 1988.
- Гурская 2009 — Гурская С. Л. Имена существительные общего рода, называющие любимого человека в ярославских говорах. *Ярославский педагогический вестник*. 2009, 1 (58): 171–175.
- Кармакова 1983 — Кармакова О. Е. Названия вечерних собраний молодежи в русских говорах. В сб.: *Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования*. Аванесов Р. И. (отв. ред.). М.: Наука, 1983. С. 132–140.
- Корнишина 2017 — Корнишина Г. А. Социально-обрядовая роль и формы организации половозрастных контактов мордовского населения Самарского края в первой половине XX в. *Финно-угорский мир*. 2017, (1): 78–85.
- Морозов 1998 — Морозов Н. А. *Женитьба добра молодца: происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы»/«женитьбы»*. М.: Лабиринт, 1998.
- Москвичёва 2012 — Москвичёва С. А. Традиционные наигрыши Тамбовского края: «Матаня»: жанровая характеристика. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012, 5 (19 (1)): 131–136.
- Никифорова 2017 — Никифорова О. В. Название молодежных вечерних собраний в нижегородских говорах. *Русская речь*. 2017, (5): 107–111.
- Панина 2015 — Панина Ж. А. *Семантическое поле «праздники» в говорах Архангельского региона*. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
- Петровский 1987 — Петровский М. С. «Двенадцать» Блока и Леонид Андреев. В сб.: *Литературное наследство*. Т. 92. Кн. 4: Александр Блок: новые материалы и исследования. Зильберштейн И. С., Розенблюм Л. М. (отв. ред.). М.: Наука, 1987. С. 203–232.
- Сергеева 2021 — Сергеева Е. В. Традиционные формы общения и нормы поведения чувашской молодежи (на примере календарных праздников и семейных обрядов). В сб.: *Исследования по этнологии чувашского народа*: сб. ст. Вып. 1. Сергеева Е. В. (сост. и науч. ред.). Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2021. С. 262–286.
- Судаков 2017 — Судаков Г. В. «Милый мой — моя утеха». *Русская речь*. 2017, (6): 98–106.
- Тюганкова 2011 — Тюганкова Е. В. Праздничные формы общения и нормы поведения мордовской молодежи в поликультурном пространстве (на примере Самарского Заволжья). *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал*. 2011, 8 (14 (3)): 181–186.
- Частушка 1966 — *Частушка*. 2-е изд. Бахтин В. С. (вступ. ст., подгот. текста и примеч.). Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. М.; Л.: Советский писатель, 1966.

Yanina V. Myznikova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-1092-8219>
y.myznikova@spbu.ru

Features of the vocabulary of the thematic group “evening youth meetings” in Russian dialects of the Simbirsk Volga region

For citation: Myznikova Ya. V. Features of the vocabulary of the thematic group “evening youth meetings” in Russian dialects of the Simbirsk Volga region. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2026, 23 (2): 400–418. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2026.210> EDN UFWDVO (In Russian)

The purpose of this study is to describe and analyze the vocabulary of the thematic group “evening youth meetings” in the Russian dialects of the Simbirsk Volga region. The material for this work is taken from recordings of stories by informants from villages in the Ulyanovsk region. Some of these recordings were collected by the author, the other part was published by folklore researchers. The selected lexemes were divided into the following thematic groups: names of locations (rooms) for youth meetings, names of evening youth meetings, names of activities and entertainment at gatherings, evaluative vocabulary characterizing the qualities of a girl, a guy, and the vocabulary of a love relationship. When analyzing the vocabulary in each of the groups, the author used an ethnolinguistic approach, as well as examined the material in functional, areal and etymological aspects. The study of the vocabulary of the thematic group “Evening youth meetings” in the Russian dialects of the Simbirsk Volga region demonstrates the all-Russian traditions of youth gatherings, and we also identified specific regional features of the Middle Volga region. These features are reflected in the corresponding vocabulary: *kelya* ‘hut’, *kildim* ‘meeting’, *podval* ‘shack’, *pesnyachit* ‘to sing loudly’, *vrotovuyu* ‘using the mouth’. There has been also identified some narrow-local dialect words, which reveal the customs of separate zones, for example, a specific expression for the Sura region *zasizhivat’ v kelye* to ‘start gatherings’; this expression contrasts the beginning of get-togethers with the main period of full-fledged gatherings with joint overnight stays in huts, that is *korennoye siden’ye*.

Keywords: thematic vocabulary group, evening youth meetings, Russian dialects, dialect vocabulary, evaluative vocabulary.

References

- Баженова, Нецкар 2015 — Bazhenova T. E., Netskar E. E. The results of mapping the vocabulary of traditional folk culture (names of evening youth meetings). In: *Vysshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy: materialy 10-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Vershinina L. V. (ed.). Samara, 2015. P. 34–37. (In Russian)
- Бернштам 1988 — Bernshtam T. A. *Youth in the ritual life of the Russian community of the 19th — early 20th century*. Leningrad: Nauka Publ., 1988. (In Russian)
- Гурская 2009 — Gurskaia S. L. Common nouns that name a loved one in Yaroslavl dialects. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. 2009, 1 (58): 171–175. (In Russian)

- Кармакова 1983 — Karmakova O.E. Names of evening youth meetings in Russian dialects. In: *Russkie narodnye govory. Lingvogeograficheskie issledovaniia*. Avanesov R. I. (ed.). Moscow: Nauka Publ., 1983. P. 132–140. (In Russian)
- Корнишина 2017 — Kornishina G. A. The socio-ceremonial role and forms of organization of sex and age contacts of the Mordovian population of the Samara Region in the first half of the 20th century. *Finno-ugorskii mir*. 2017, (1): 78–85. (In Russian)
- Морозов 1998 — Morozov N. A. *The marriage of a good young man: The origin and typology of traditional youth entertainment with the symbolism of “wedding”/“marriage”*. Moscow: Labirint Publ., 1998. (In Russian)
- Москвичёва 2012 — Moskvicheva S. A. Traditional games of the Tambov region: “Matanya”: genre characteristics. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2012, 5 (19 (1)): 131–136. (In Russian)
- Никифорова 2017 — Nikiforova O. V. The name of youth evening meetings in Nizhny Novgorod dialects. *Russkaia rech'*. 2017, (5): 107–111. (In Russian)
- Панина 2015 — Panina Zh. A. *The semantic field “Holidays” in the dialects of the Arkhangel'sk region*. Thesis for PhD in Philological Sciences. Moscow, 2015. (In Russian)
- Петровский 1987 — Petrovskii M. S. Blok's “Twelve” and Leonid Andreev. In: *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 92. Book 4: Aleksandr Blok: novye materialy i issledovaniia. Zilbershtein I. S., Rozenblium L. M. (eds). Moscow: Nauka Publ., 1987. P. 203–232. (In Russian)
- Сергеева 2021 — Sergeeva E. V. Traditional forms of communication and norms of behavior of Chuvash youth (on the example of calendar holidays and family rituals). *Issledovaniia po etnologii chuvashskogo naroda: sbornik statei*. Vol. 1. Sergeeva E. V. (comp. and sci. ed.). Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi institut gumanitarnykh nauk Publ., 2021. P. 262–286. (In Russian)
- Судаков 2017 — Sudakov G. V. My darling is my joy. *Russkaia rech'*. 2017, (6): 98–106. (In Russian)
- Тюганкова 2011 — Tiugankova E. V. Festive forms of communication and norms of behavior of Mordovian youth in a multicultural space (on the example of the Samara Trans-Volga region). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Nauchno-teoreticheskii i prikladnoi zhurnal*. 2011, 8 (14 (3)): 181–186. (In Russian)
- Частушка 1966 — *Chastushka*. 2nd ed. Bakhtin V. S. (introd., text prep. and notes). Ser.: Biblioteka poeta. Bol'shaia seriia. Moscow; Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., 1966. (In Russian)
- Чичеров 1957 — Chicherov V. I. *The winter period of the Russian national agricultural calendar of the 16th–19th centuries*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk Publ., 1957. (In Russian)

Received: February 15, 2025

Accepted: December 23, 2025